

Свѣтлячокъ

1902 г.

№ 18.

Государственная
Библиотека
С.-Петербург
им. В. И. Ленина

С Л О В О .

(Русская народная сказка).

I.

Много лѣтъ тому назадъ ужь будетъ,
Жили были въ городѣ торговомъ
Два купца богатыхъ—русскій да тата-
ринъ.

Торговали оба честно безъ обмана,
Наживая деньги понемногу.
Да запутался въ дѣлахъ торговыхъ
русскій,

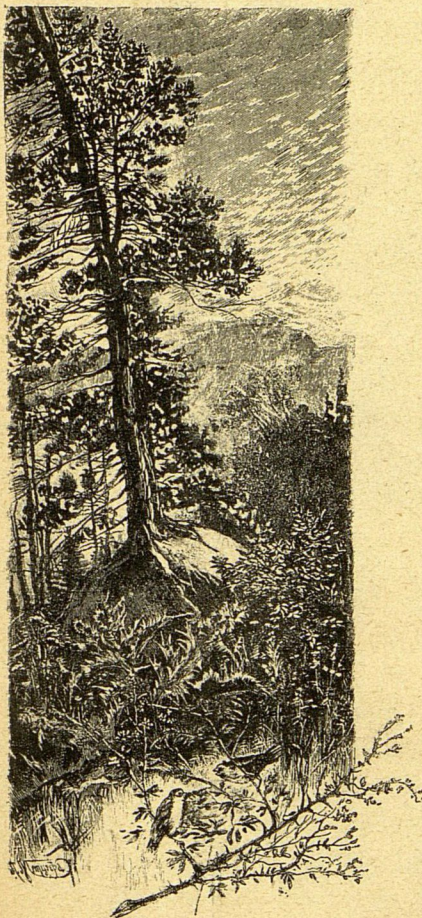
И стряслось такое горе надъ купчиной,
Что до-тла онъ въ годъ проторговался.
Все ушло изъ рукъ—товаръ его и деньги.
Хоть сейчасъ иди съ сумой по свѣту.
Вотъ идетъ къ татарину бѣдняга,
Бьетъ челомъ ему и молить, просить
слезно:

— „Ой, купецъ, взгляни, я нагъ и босъ
остался,

„Надъ моей бѣдой горючею ты сжался:

„Одолжи мнѣ денегъ? на разживу.

„Знаешь самъ, я думаю, въ дѣлахъ торговыхъ

И съ тобой случится то же можетъ...
 „А ужъ ты повѣрь, какъ только расторгуюсь,
 „До копейки возвращу тебѣ всѣ деньги
 „И во вѣкъ твоей услуги не забуду“.
 Говорить ему на то купецъ-татаринъ:

— „Ладно, что жъ, займы дать денегъ можно,
 И помочь тебѣ готовъ я, но съ условьемъ:
 Ты найди-ка мнѣ такого человѣка,
 Кто бы могъ порукой быть надежной,
 Что не кроется обмана здѣсь какого.“
 Приздумался купецъ, стоитъ, насушась,

Устремивъ глаза упорно въ землю...
Помолчалъ, вздохнулъ потомъ глубоко
И въ отвѣтъ татарину такое молвить слово:
— Охъ, купецъ, купецъ, взгляни я—нищій жалкій!
„Не найти нигдѣ такого человѣка,
„За меня кто могъ бы поручиться.
„Одолжи ты денегъ на разживу,
„А порукою, что ихъ я до копейки
„Возвращу мое честное слово!..
„Ты повѣрь, тебя обманывать не стану
„На душѣ то слово ляжетъ, коль обманешь.
„Мы то слово говоримъ съ молитвой,
„Измѣнять ему грѣшно и негодится!..
И сказалъ ему, подумавши, татаринъ:
— „Ладно, братъ, согласенъ я на это,
„Испытаю ваше слово я, повѣрю.
„Вотъ тебѣ, возьми мѣшокъ съ деньгами,
„Отправляйся-ка скорѣе въ путь-дорогу,
„По чужимъ краямъ торгуй да наживайся,
Взялъ мѣшокъ съ деньгами русскій торопливо,
Благодѣтелю поклонъ отвѣсилъ низкій,
Помолился Господу усердно
И отправился изъ города въ дорогу
Торговать въ чужихъ краяхъ да наживаться.

II.

Вотъ проходитъ такъ ровнешенько два года,
Повалило русскому такое счастье,
Что изъ нищаго купцомъ сталъ именитымъ,
А деньгамъ и счетъ онъ потерялъ давнешенько.
Вотъ однажды плыль купецъ съ товаромъ
По Дунай-рѣкѣ въ ладѣ своей широкой,
День плыветъ, другой; на третій къ утру

Набѣжали черныхъ тучекъ горы,
 Расходился-ли Дунай, сердитый старецъ,
 Взбушевались-ли пѣнистыхъ волнъ громады,
 Подъ кормой кипятъ, бурлятъ свирѣпо
 И ладьей, какъ щепкою, играютъ.
 И встревожился купчина не на шутку,
 Поблѣднѣлъ, затрясся отъ испуга:
 — „Согрѣшилъ я,—шепчетъ,—окаянный,
 „Не сдержалъ я, старый грѣшникъ, слова,
 „Что отдамъ татарину всѣ деньги...
 „А давалъ я слово, гляючи на небо,
 „Вонъ теперь второй ужъ годъ въ исходѣ,
 „А татарину я долга все не отдалъ.
 „Не съ того-ль Дунай-рѣка и взбушевалась,
 „Не съ того-ль старикъ ладью волною хлещетъ,
 „Словно хочетъ потопить меня съ товаромъ.“
 И едва успѣлъ купецъ о томъ помыслить,
 Утихатъ Дунай-старикъ сталъ грозный,
 Улеглись пѣнистыхъ волнъ громады,
 Прояснилось небо голубое,
 Изъ-за тучи солнце ясно улыбнулось.
 И велѣлъ тогда купецъ достать боченокъ,
 Уложилъ въ него сполна всѣ деньги,
 А на деньги грамотку кладетъ онъ...
 Засмолилъ потомъ купецъ боченокъ,
 Осѣнилъ грудь знаменіемъ крестнымъ
 И швырнулъ боченокъ тотъ въ рѣчныя волны,
 Молвивъ:—„Деньги заработаны по чести,
 „Не погибнуть золоту безслѣдно:
 „Трудовая денежка не тонетъ!..“

III.

Вотъ теперь и слушайте, что послѣ приключилось...
 У купца-татарина въ услугахъ

Той порой жила старуха-стряпка.
Разъ пошла старуха за водой на рѣчку,
Вотъ подходитъ къ берегу рѣчному,
Видитъ, — плаваетъ у берега боченокъ.
— „Дай-ка, думаетъ, поймаю я боченокъ:

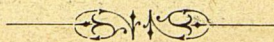

А. Боровиковъ.

„Для хозяйства намъ онъ пригодится.“
Протянула только руку, а боченокъ,
Какъ живой, самъ въ сторону метнулся.
Долго билася старуха надъ боченкомъ,

Вся измучилась, устала, еле дышетъ,
 Такъ въ концѣ концовъ его и не поймала.
 Подивилась и пошла старуха во-свояси
 Вотъ пришла домой, купцу подробно
 Про боченокъ говорить, какъ было дѣло.
 Не хотѣлъ купецъ повѣрить ей сначала,
 Надъ старухой даже посмѣялся:
 — „Ужъ чего не выдумаютъ бабы!“
 Разбидѣлась старуха:— „Ты не смѣйся,
 Говорить ему:— „поймай-ка самъ, попробуй
 „Подивишься самъ диковинкой такою,“
 И пошелъ тогда купецъ на рѣчку.
 Только къ берегу подходитъ, видитъ,—точно
 На волнахъ колыхается боченокъ.
 Дѣлать нечего, спустился самъ онъ въ рѣчку,
 А боченокъ вдругъ, какъ утка,
 Самъ подплылъ къ нему и въ руки прыгнулъ.
 Мой купецъ не знаетъ, что подумать;
 Обомлѣлъ, не можетъ слово молвить.
 Вышелъ на берегъ, боченокъ вынесъ,
 Вышибъ дно, глядитъ,—лежатъ тамъ деньги,
 А поверхъ нихъ грамотку онъ видитъ,
 И стоитъ въ той грамоткѣ такое:
 — „Другъ ты мой любезный! возвращаю
 „Я тебѣ сполна твои всѣ деньги,
 „Сослужилъ ты мнѣ большую службу,
 „Во всю жизнь ея я не забуду...
 „Вспомни жъ ты мое честное слово,
 „Что держать его мы на сердцѣ умѣемъ...
 „А что крѣпко это слово,—самъ узнаешь,
 „Коль получишь мою грамоту съ боченкомъ!..“

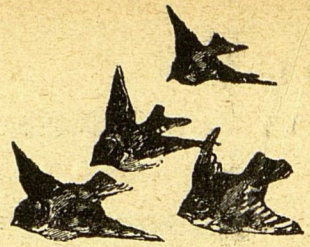
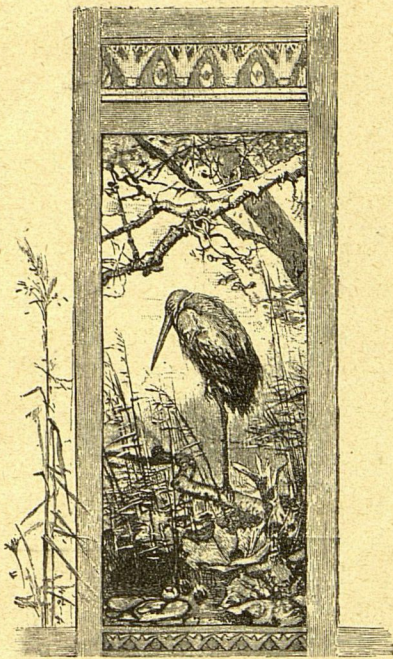
А. А. Федоровъ-Давыдовъ.

Изъ жизни маленькихъ тружениковъ.

Стружки на растопку.

ЛѢТНЕЮ НОЧЬЮ.

III.

— А знаете ли что, господа? Вѣдь вы совершенно правы! — проквакала лягушка, — я тоже убѣдилась въ томъ, что люди глупы. Находятъ же они удовольствіе жить въ домахъ, за стекломъ, и поддерживать въ этихъ домахъ тепло посредствомъ огня! Но что меня болѣе всего смѣшить — это ихъ боязнь дождя! Ахъ, какъ они боятся дождя, глупые! Нарочно придумали такіе круглые навѣсики на палкахъ, которые они называютъ зонтиками, и чуть начнется дождь, уже бѣгутъ домой подъ своими навѣсиками, — тогда какъ, что можетъ быть лучше дождя, да еще послѣ сухого, яркаго дня! Соберутся большія, большія тучи, — вотъ какъ сегодня, — да какъ хлынетъ дождь, свѣжій,

прохладный, да какъ начнетъ косить по лугамъ, по полямъ, по огородамъ! Хорошо! Въ поляхъ, на дорогахъ воды намочетъ цѣлыя лужи, а по лужамъ все пузыри плаваютъ! Вотъ гдѣ раздолье-то!

— Ну, мы тоже воду не особенно любимъ! — замѣтилъ Василій Ивановичъ, — мы любимъ на солнцѣ грѣться.

— Солнце что! Ничего въ немъ хорошаго нѣтъ, въ вашемъ солнцѣ! Отъ него только жара да засуха!

— Шла бы ты лучше прочь отсюда — разсердился Василій Ивановичъ, — ишь разсѣлась, точно барыня! Мѣшаешь только намъ разговаривать!

— Что же, я пойду! — обидѣлась Кваква Терентьевна, — ишь какіе. Помѣшала имъ!

И лягушка, надувшись такъ, какъ могутъ надуваться только лягушки, отпрыгнула отъ пріятелей на нѣсколько шаговъ.

— Подумаешь, какіе важные господа! — бормотала она, — оба въ услуженіи, а думаютъ про себя такъ много, точно выше ихъ и на свѣтѣ нѣтъ!.. Хотѣла бы я, чтобы кто-нибудь изъ нихъ встрѣтился съ тѣмъ журавлемъ, который каждый вечеръ прилетаетъ на наше болото! Вотъ

натерпѣлся бы страху! Куда и гордость дѣвалась бы, какъ журавль раскрылъ бы на него свой длинный клювъ!.. Этакія страсти! Я разъ только увидѣла, и никогда не забуду!.. Я такъ никогда человѣка не пугалась, какъ этого журавля; человѣкъ — что! Иной человѣкъ меня боится... А вотъ журавля...

Въ эту минуту надъ головою лягушки что-то прошумѣло, и она боязливо юркнула подъ широкій листъ лопуха...

«Ужъ не журавль ли пролетѣлъ?» — подумала она.

Но это былъ порывъ вѣтра, который зашелестѣлъ верхушками деревьевъ, и туманъ наполнилъ кусты. Вслѣдъ затѣмъ тяжелая, какъ свинецъ, капля дождя упала на лопухъ, и онъ весь вздрогнулъ.

«Кажется, дождь? Ахъ, какая прелесть!» — подумала Кваку Терентьевна.

IV.

Капля дождя попала прямо на носъ Василю Ивановичу. Онъ тряхнулъ головой и лапкой провелъ по усатой мордочкѣ.

— Ну, ужъ это совсѣмъ напрасно! — сказалъ онъ, — такая была пріятная ночь, и вдругъ дождь.

— Да!—согласился Мурка Петровичъ,—это неприятно! Пойдемте вонъ подъ тотъ кустъ, скроемся тамъ!

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Василій Ивановичъ,—кустъ насъ не спасетъ! А я вотъ что придумалъ! Вонъ видите это старое зданіе? Это погребъ нашихъ хозяевъ. Хотя дверь на замкѣ, но въ одномъ мѣстѣ стѣнка прогнила, и я сдѣлалъ тамъ проходъ... Вы понимаете?

— Отлично понимаю!—облизнулся Мурка Петровичъ и зажмурилъ глаза.

— Какъ у васъ насчетъ аппетита?

— О, аппетитъ у меня всегда хорошій!—воскликнулъ Мурка Петровичъ,—даже слишкомъ хорошій. Собственно говоря, я всегда голоденъ, потому что съ картофельной кожуры, которую бросаетъ мнѣ вдова, сытъ не будешь!..

— Я думаю! Такъ вотъ, когда мы заберемъ въ погребъ, я вамъ обѣщаю сытный ужинъ. Я знаю, что тамъ есть, и даже гдѣ что лежитъ! Во-первыхъ на полкѣ стоитъ кувшинъ молока...

— Къ молоку-то я не привыкъ!—замѣтилъ Мурка Петровичъ,—хотя слышалъ, что это не вредный напитокъ!

— Превосходный!—воскликнулъ Василій Ивановичъ,—я очень люблю молочко!

— А дальше что?

— А дальше есть тамъ боченокъ селедокъ, и большой кусокъ говядины...

— О, это совсѣмъ другое дѣло! Большой, говорите?

— Очень большой! Въ ночь намъ и вдвоемъ не съѣсть! Только вотъ что непріятно: говядина лежитъ въ рогожкѣ, прямо на льду, и мы можемъ ознобить и замочить наши лапки!

— Ну, это пустяки!—воскликнулъ Мурка Петровичъ, у котораго при одномъ упоминаніи о говядинѣ свело скулы, и слюнки потекли изо рта,—ради такого приза стѣдуетъ промочить ноги... Вѣдь можно наѣсться на цѣлую недѣлю! Лежи потомъ на солнцѣ, да поворачивайся съ боку на бокъ!..

— Конечно, что можетъ быть лучше!—согласился Василій Иванычъ,—солнышко тебя грѣетъ, а такъ пріятно лежать!.. Такъ что же, отправимся что-ли?

— Отправимся. Только видите ли что... Не засталъ бы кто-нибудь насъ!..

— Кто тамъ застанетъ, что вы! Теперь ужъ поздно, а кухарка Луша навѣрно собирается спать... Да вотъ, кажется, она и лампочку потушила.

— А на балконѣ свѣтъ.

— Это баринъ читаетъ книгу! Онъ всегда читаетъ по ночамъ! Вотъ тоже людская странность: читать книги! Ну, что тамъ хорошаго?

— Да, онъ читаетъ, читаетъ, а потомъ проголодается и пойдетъ въ погребъ.

— Въ погребъ? Ни за что! Да вы совсѣмъ не знаете господской жизни! Развѣ господа ходятъ въ погребъ? И не зачѣмъ имъ совсѣмъ; въ буфетѣ всегда что-нибудь найдется.

— Такъ-то такъ, а вдругъ ненарокомъ?..

— Э, да вы, кажется, трусь!—съ презрѣніемъ воскликнулъ Василій Ивановичъ.

— Я трусь? Ну, ужь это вы напрасно! Я никогда не былъ трусомъ!—обидѣлся Мурка Петровичъ.

— Чего же вы боитесь?

— Я боюсь? Я ничего не боюсь! Въ доказательство, хотите, я пойду первымъ?

— Ну, идите!

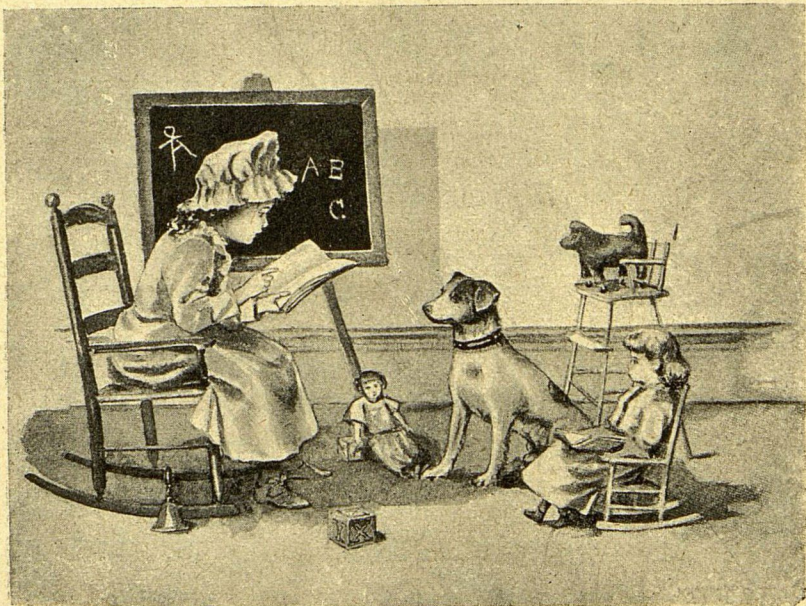
Мурка Петровичъ вышелъ изъ куста и, медленно, осторожно ступая, направился къ погребу. За нимъ такъ же осторожно выступалъ Василій Ивановичъ. Шелъ не частый дождь. Крупныя капли его падали на листья деревьевъ, на песокъ, и въ ночной тишинѣ произво-

дили такой шумъ, точно кто ударялъ палкой. Одна такая капля звучно шлепнулась у самыхъ ногъ Мурки Петровича и такъ напугала его, что онъ подпрыгнулъ. Подпрыгнулъ и слѣдовавшій за нимъ Василій Иванычъ. И оба остановились.

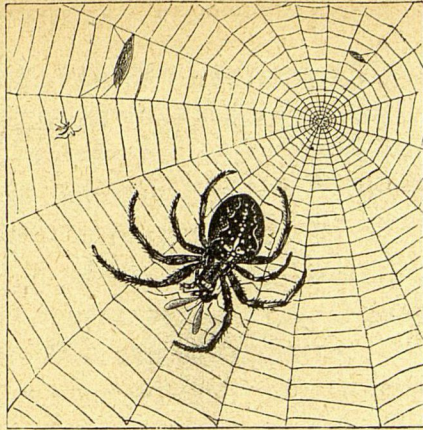
Они постояли нѣсколько секундъ, пугливо озираясь и прислушиваясь; потомъ обоимъ стало стыдно, и они продолжали путь, готовые, однако, каждую минуту пуститься на утекъ...

Наз. Баранцевичъ.

(До слѣдующей книжки).

„Отвѣчайте вашъ урокъ, господа!“

Паукъ-крестовикъ.

— Батюшки! Ужасъ какой! — вскрикнулъ Боря, — паукъ! Фу, какая гадость!

И всѣ дѣти повскакали съ мѣстъ, не сводя глазъ съ большого паука, который преспокойно спускался къ самому столу, вися на своей ниткѣ.

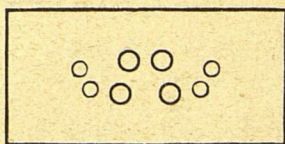
Папа накрылъ его вдругъ стаканомъ.

— Сядьте, — сказалъ онъ намъ, — вовсе не такой страшный звѣрь — паукъ. Вреда отъ него нѣтъ. Это — паукъ-крестовикъ; названъ онъ такъ потому, что на его тѣльцѣ виденъ крестикъ. Онъ — самый большой изъ нашихъ пауковъ. Лѣтомъ — ихъ много у заборовъ, въ углахъ каменныхъ стѣнъ и оградъ, гдѣ онъ сидитъ себѣ да посиживаетъ въ своей сѣткѣ и добычу поджидаетъ. Смотрите, у него короткая голова, восемь густо обросшихъ суставчатыхъ лапокъ; — нижняя часть тѣла несоразмѣрно велика, — она тоже вся покрыта тоненькимъ, нѣжнымъ волосомъ. На головѣ у него — восемь крошечныхъ глазъ — словно бѣлыя блестящія точки. Грудная часть мала и соединяется съ задней словно ниткой, — на груди и укрѣплены четыре пары ногъ.

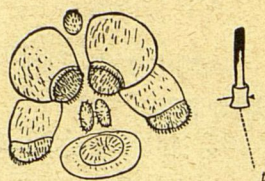
На нижней части тѣла у паука—весь его ткацкій станокъ. Онъ сучитъ свои нитки изъ особой жидкости, которая твердѣетъ, застывая на воздухѣ. Интересно, какъ паукъ фабрикуетъ эту нитку.

Обратите вниманіе на его бородавки. Каждая бородавочка имѣетъ до 1000 безконечно тоненькихъ отверстій, изъ которыхъ выступаетъ жидкая, тягучая масса. Вотъ и сообразите,—если изъ каждой дырочки тянется жидкость тоненькой ниткой, то каждая паутина скручивается изъ 6000 ниточекъ.

Паукъ сплететъ паутину, спрячется гдѣ-нибудь и начнетъ поджидать. Летитъ муха, зазѣвалась и запуталась паутиною. Набросится на нее паукъ, живо обмотаетъ ее еще нитями и начнетъ кровь изъ нея сосать. Намъ онъ ничего не можетъ сдѣлать.

Расположеніе глазъ.

Бородавочки.

Защищается паукъ тѣмъ, что выбрасываетъ острую жидкость, но отъ нея наша кожа только чуть-чуть краснѣетъ.

А знаете, — пауки ужасно любятъ музыку!.. Нѣкоторые музыканты рассказывали, что у нихъ бывали пауки, которые спускались съ потолка, слыша игру на роялѣ. Паукъ даже можетъ предсказывать погоду. Когда паукъ плететъ большую, широкую сѣть,—значитъ, будетъ хорошая погода. Ну, теперь посмотрите его еще разъ да и отпустимъ его на волю!..

Папа поднялъ стаканъ, паукъ побѣжалъ по столу скоро-скоро, сорвался съ края, но не упалъ, а повисъ на ниточкѣ—и сталъ по ней медленно опускаться внизъ.

М.